Документы о зверствах немецких захватчиков в гор. Ростове-на-Дону. Кадры из «Союзкиножурнала» № 114.

НЕ ЗАБУДЕМ, НЕ ПРОСТИМ!

«Союзкиножурнал» № 114 — «Освобождение нашими войсками города Ростова-на-Дону от фашистских захватчиков» и «Союзкиножурнал» № 111 о героической защите города Севастополя — производство Центральной студии кинохроники

Седьмой месяц кровавые гитлеровские шакалы рыщут по дорогам советской страны, врываются в мирные города и села, грабят, палачествуют, пытают, насилуют, жгут. Кровавый счет преступлений гитлеровской Германии растет с каждым днем. Все более жгучую, неистребимую ненависть советских людей вызывают злодеяния фашистских банд, нарушивших наш мирный труд, стремящихся поработить советский народ.

Не наступает время грозной расплаты с лютым и подлым врагом за все его преступления. Окрепшая в непрестанных боях Красная Армия наносит один за другим удары по истекающим кровью, деморализованным, обозлившимся дивизиям гитлеровской грабьармии и гонит врага с нашей родной земли.

Документальные фильмы о Ростове-на-Дону и героической обороне Севастополя, вышедшие только что на экраны,— это незабываемые страницы массового героизма советского народа. Это — кровью наших людей, их жертвами записанная летопись отечественной войны. Это—неизгладимое свидетельство палачества, зверства, садизма извергов рода человеческого, именуемых гитлеровцами.

Славный русский город Ростов-на-Дону, переживший уже германскую интервенцию в 1918 г. и господство деникинцев в 1919 г., теперь снова был жертвою германских оккупантов. Против Ростова была брошена группа генерала Клейста, прошедшая со своими танками от Львова к Николаеву, от Кременчуга к Мариуполю. После прорыва немецких войск в Крым и захвата Мариуполя несколько германских дивизий брошены были для захвата Ростова. Они завладели им, но ненадолго.

Уже в ночь с 28 на 29 ноября доблестные войска 9-й и 56-й армий во главе с генералами Харитоновым и Ремизовым водрузили над Ростовом наше славное советское знамя. Мы видим на экране главнокомандующего войсками Юго-Западного направления маршала тов. Тимошенко, члена Военного совета Юго-Западного направления, члена Политбюро ЦК ВКП(б) тов. Хрущева, командующего войсками Южного фронта генерал-полковника тов. Черевиченко. Они склонились над картой, они разрабатывают план разгрома врага, и славные наши бойцы и командиры выполняют этот план занятия Ростова и изгнания из него немецких оккупантов, уже об'явивших, что вот-вот они захватят майкопскую, грозненскую и бакинскую нефть и будут господствовать над Кавказом.

Страшный след оставили фашисты за несколько дней своего господства в Ростове. Видишь на экране, как фашистские мерзавцы разрушали прекрасный родной город, так бурно выросший за годы советской власти; видишь на каждом шагу следы страшных преступлений фашистского зверья, и руки сжимаются и сердце стучит: это стучит не отомщенная еще кровь женщин, детей, стариков, это стучит в нашем сердце пепел сожженных красноармейцев, замученных в страшных пытках, зверски обезображенных людей.

Вот у стены серого дома лежат десятки трупов рабочих, служащих, интеллигентов. Здесь зверски растерзана семья профессора Рождественского. Молодая женщина, вся истерзанная, седоволосая старуха, убитая палачами, расстрелянный с голубем в руках подросток, старики-рабочие, красноармейцы — все они, мертвые, взывают к нам, живым, и зовут нас к поголовному истреблению выродков человечества. Над зверски замученными еще плачут близкие, не могут сдержать рыданий старые рабочие: за все, за все,— за эти мученические смерти, за кровь, за каждую каплю крови советских людей, за каждую слезу ребенка, за насилия, за надругательства,— за все отомстим, и страшна будет эта месть!

Еще немало предстоит боев, прежде чем полностью будут разгромлены гитлеровские банды. Много жертв, отваги, мужества и героизма, упорной, неустанной борьбы на фронте и в тылу требует великая отечественная война советского народа. Враг ворвался в Крым, он стремится захватить Севастополь. И вот перед нами на экране — героическая оборона Севастополя, города со славными боевыми традициями. Красноармейцы и краснофлотцы, рабочие и работницы Севастополя днем и ночью защищают эту могучую советскую крепость. Уже немало кораблей вражеских потопила береговая оборона Севастополя. Немало фашистских разбойников нашло себе могилу на подступах к Севастополю. Немало самолетов со свастикой сбито вокруг Севастополя. Враг уничтожает города и села Крыма, он вымещает свою бессильную ярость на мирных жителях, огнем и кровью заливает прекрасную нашу советскую землю.

Истребительной войной, беспощадным уничтожением всех немцев, пробравшихся на территорию нашей родины в качестве ее оккупантов, ответит наш народ. Мы ничего не простим, отомстим за все полной мерой,— так, чтобы внуки и правнуки этих негодяев помнили о расплате за преступления фашистов.

Конная гвардия Крюченкина громит немцев

Славная когорта гвардейцев пополнилась кавалерийским корпусом генерал-майора Крюченкина и кавалерийскими дивизиями генерал-майора Малеева и полковника Белогорского. Это свидетельствует, что в огне жесточайших сражений с немецко-фашистскими оккупантами у нас растут, крепнут и закаляются новые и новые эскадроны, полки, дивизии и корпуса, которые нагоняют на немцев смертельный страх.

За шесть месяцев отечественной войны эти гвардейские кавалерийские части прошли славный боевой путь, увенчанный десятками замечательно проведенных операций по истреблению немцев. Не зная отдыха, днем и ночью, при всякой погоде дрались и побеждали славные кавалеристы. Конники Крюченкина были в самых жарких сражениях. Они принесли немцам страшное опустошение. Трофеями корпуса можно вооружить целые соединения.

Что же обеспечило столь замечательные боевые успехи кавалеристам-гвардейцам? Я напомню о боях за Елец. Несмотря на частые схватки с врагом и длительные переходы, у кавалеристов ни на одно мгновенье не иссякал стремительный порыв вперед. Это—замечательное боевое качество! Равнение только по передним—таков девиз каждого бойца. Были случаи, когда целые взводы и эскадроны отказывались от еды, отдыха, сна лишь потому, что желание бить врага, не выпускать военной добычи из рук было превыше всего.

В корпусе Крюченкина, в дивизиях Малеева и Белогорского удар шашкой нашел самое широкое применение. Заходя в тыл, обтекая фланги, гвардейцы всегда стремятся во что бы то ни стало вынудить противника принять нашу атаку в конном строю. Здесь кавалеристы и показывают немцам, что представляет собой прославленная русская кавалерия.

Очень часто конные атаки предпринимались по значительно превосходящим силам противника и почти всегда имели успех. Это об'ясняется тем, что конники налетали настолько внезапно и с такой стремительностью, что враг, порой не оказывая должного сопротивления, снимался со своих позиций. Этого как раз и ждал каждый гвардеец, чтобы испробовать свой острый клинок на фашистской голове.

Генерал-майор Крюченкин учит своих командиров никогда не распылять своих сил, всегда наносить концентрированный удар. В основу наступления положено твердое и незыблемое правило: незначительными силами сковать главную группировку противника, остальными — обойти с флангов и полностью истребить врага.

Но не всегда в бою бывает так, как задумано. Порой встречаешь сопротивление не там, где рассчитываешь. Гвардейцы в таких случаях не идут напролом. Встретив сильное сопротивление на одном участке, они немедленно сковывают противника, начинают обтекать с флангов, с тыла, искать уязвимые места, и тогда дело идет на лад. Врага начинает лихорадить. Он мечется из стороны в сторону, а в это время и разыгрываются главные события.

7 декабря одна из частей тов. Малеева, встретив сильное сопротивление врага в одном месте, немедленно сконцентрировала силы и повела бой в другом месте—у села З. Бой закончился блестящей победой. Кавалеристы окружили батальон 280-го немецкого стрелкового полка, отрезали пути отхода и полностью истребили его. Случайно уцелевшие три немца сдались в плен.

То, чего достиг 3-й гвардейский кавалерийский корпус, могут добиться все наши кавалеристы. Смелость, отвага, мужество в бою должны быть дополнены творческим подходом к решению боевой задачи. Гвардейцы отличаются тем, что они, как снег на голову, являются перед противником. Так могут и должны воевать все. Быстрота, натиск, сочетание с военной хитростью, маневром—вот что обеспечивает победу, вот к чему нужно стремиться.

Присвоение гвардейских званий воодушевляет кавалеристов на еще более замечательные дела во славу родины. Будем же достойны этого высокого звания.

Генерал-майор Л. В. БОБКИН.

Юго-Западное направление, 26 декабря.

Указ Президиума Верховного Совета СССР

Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий

Задача увеличения производства продукции на предприятиях военной промышленности и дальнейшего улучшения снабжения Красной Армии всеми видами вооружения требует безусловного закрепления рабочих и служащих на предприятиях военной промышленности.

Обеспечение военной промышленности постоянными кадрами рабочей силы имеет особое значение для быстрого восстановления на полную мощность военных заводов, эвакуированных в восточные районы страны.

В целях полной ликвидации все еще имеющих место самовольных уходов рабочих и служащих с предприятий военной промышленности и усиления ответственности рабочих и служащих, работающих на военных заводах, Президиум Верховного Совета Союза ССР постановляет:

1. Всех рабочих и служащих мужского и женского пола предприятий военной промышленности (авиационной, танковой, вооружения, боеприпасов, военного судостроения, военной химии), в том числе эвакуированных предприятий, а также предприятий других отраслей, обслуживающих военную промышленность по принципу кооперации,— считать на период войны мобилизованными и закрепить для постоянной работы за теми предприятиями, на которых они работают.

2. Самовольный уход рабочих и служащих с предприятий указанных отраслей промышленности, в том числе эвакуированных, рассматривать как дезертирство и лиц, виновных в самовольном уходе (дезертирстве), карать тюремным заключением на срок от 5 до 8 лет.

3. Установить, что дела о лицах, виновных в самовольном уходе (дезертирстве) с предприятий указанных отраслей промышленности, рассматриваются военными трибуналами.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН.

Москва, Кремль. 26 декабря 1941 г.

ЖИЗНЬ

(От специального военного корреспондента «Правды»)

Возница постучал кнутовищем в окно.

— *Сейчас, сейчас,*—негромко отозвался доктор.

Вещи в беспорядке лежали на полу, стульях, столах. Попробовав выбрать самое нужное, доктор несколько раз быстро прошелся по комнатам, запихал что-то в чемодан и устало сел. В раме перед глазами висела литография картины Бухгольца «Осенний день»: ржавые кусты, лесок, синеющий вдали, серо-голубое сентябрьское небо, удивительно мирное и спокойное. В шкафу стояли книги с пожелтевшими от времени страницами и мягкими кожаными переплетами.

Доктор достал с верхней полки длинный, потрепанный бухгалтерский гроссбух и развернул его. Рыжая клякса темнела на первой странице. Он вспомнил, как тридцать лет назад, приехав в село, купил у лавочника этот нелепый гроссбух, чтобы вести дневник. Как тревожно ждал первого визита. И, наконец, дождался вызова к девочке, страдавшей запущенным, почти безнадежным, перитонитом. Он провел семь дней в тесной, аккуратно побеленной хате. Оперировал при свете керосиновой лампы. Сидел у постели больной, ловя убегающий нитевидный пульс и стараясь не глядеть в неподвижное, очень бледное и суровое лицо матери.

Потом девочка начала поправляться. Шатаясь от усталости, он шел по сельской улице, не выбирая дороги, по колена *окунаясь в грязь, пьяный от бессонницы и* холодного осеннего ветра.

Он пришел тогда домой и больше всего, даже больше чем спать, ему захотелось рассказать кому-нибудь о пережитом. Но в комнате было пусто, и, развернув гроссбух, сильно нажимая на перо, он записал два слова — имя и фамилию девочки. Он хотел продолжать дальше, но с пера скатилась чернильная капля, и нелепая рыжая клякса растеклась по странице.

На первой странице так и остались два слова да огромная клякса. Дальше в книге он записывал все сделанное в жизни — большое и настоящее: постройку яслей, родильного дома и больницы. То, что в 1938 году он вылечил от скарлатины девятилетнего Костю Федорова и больше не было случаев скарлатины в селе. И исчезли корь, рахит, дифтерия, тифы, уносившие раньше по селу десятки жизней.

Это была скупая, торопливо написанная книга о борьбе за жизнь, суровом и честном труде, о котором сейчас было страшно, тяжело, почти невозможно вспоминать.

Он разорвал книгу и, швырнув ее в угол, вышел на улицу. Очень близко доносилась разноголосица пулеметов и автоматов. Было пусто. Кони в пролетке *испуганно рвались вперед, и когда доктор сел,* они вскачь понеслись по длинной, поднимающейся на холм и исчезающей в кукурузном поле дороге.

У берега доктора ждали. Возница круто остановил коней и, сойдя с козел, сняв для чего-то шапку, стоял очень прямо, глядя куда-то в сторону. Доктор подошел к нему. Несколько секунд он молчал — тридцать лет они работали вместе, ездили днем и ночью по селам, вместе состарились. Доктор посмотрел на седую, коротко постриженную голову возницы и вдруг, шагнув вперед, крепко обнял и поцеловал его.

— Значит, остаетесь со всеми?—сказал возница.

— Да, вот, остаюсь.

Возница хлестнул коней, пролетка поднялась на холм и исчезла из вида. Вместе со своими проводниками доктор скрылся в камышах. Рыжие, сухие, они шуршали, наклоняясь от каждого шага. Потом шли вброд, почти по пояс в воде. Выбрались на маленький сплошь заросший камышом островок.

Ночью часовой ходил взад и вперед мимо доктора. Огромная луна висела над головой. Хотелось уснуть, но тысячи мыслей лезли в голову. Зарево пожара окрашивало небо. Глухие взрывы доносились издали.

Так началась партизанская жизнь. Ра*боты у доктора было мало — счастье со*путствовало партизанскому отряду. Доктор тосковал, он не мог отвыкнуть от любимого и родного дела.

А ночью в отряд пришла женщина. Он даже не сразу узнал Анастасию Ветрову—так изменилась, похудела, поседела она. Ветрова разрыдалась, увидев врача, и только позже, отплакавшись, успокоившись немного, рассказала, зачем пришла.

У нее тяжело заболел сын. Вторые сутки он лежит без сознания. Она, конечно, знает, что доктора могут убить, ведь в селе немцы и вся округа прослышала, что он ушел в партизаны. Но что делать — никто не в силах ей помочь, и ребенок умирает.

Доктор стал собираться. У него даже как-то сразу изменилось и помолодело лицо. Начальник отряда запретил ему итти.— Сейчас ведь гибнут сотни тысяч людей. Ваша жизнь дороже, чем то, для чего вы рискуете ею.

Доктор не мог подыскать слов. Ему хотелось сказать, что именно потому он пошел в партизаны, что борется за жизнь, за свое дело, и немцы для него—это какая-то армия смерти, трупная и страшная, как микробы чумы, как вирус проказы. Он хотел сказать многое, но не любил пышных слов, а просто высказать все это было очень трудно.

— Это мой долг,— сказал он хмуро,— *и потом я вернусь,* честное слово вернусь.

Начальник отряда почувствовал, что спорить бесполезно. Ночью они вышли, пробирались через камыши, переходили через реку, ползли по сухому кукурузному полю к темному, заснувшему селу.

Они прокрались незамеченными мимо часового. Когда доктор вошел в хату, взял в руку горячую, очень тонкую руку ребенка и нащупал бешеный горячечный прибой крови, все, что произошло за эти месяцы, исчезло для него, и только одна доверенная ему жизнь занимала все мысли.

Надо было оперировать и как можно скорее. Доктор ходил по комнате, резко отдавая приказания матери и сестренке, двенадцатилетней девочке, работавшей удивительно быстро и бесшумно.

Операция продолжалась четыре часа. Очень трудная и тяжелая операция, может быть, самая трудная и тяжелая за всю его жизнь.

Потом потянулись лихорадочные, мучительные послеоперационные часы, когда жизнь человека висит на волоске, теряется грань между днем и ночью и совсем безнадежные тоскливые минуты сменяются ослепительно светлыми и радостными.

Он сидел у постели больного двое, а может быть, трое или четверо суток, совсем потеряв счет времени. Потом он заснул тут же, сидя у постели, уронив голову на руки. И может быть, это были самые счастливые минуты в его жизни. Он проснулся от тяжелого топота ног, вскочил и увидел двух немцев, стоящих в дверях с вытянутыми вперед, направленными на него парабеллумами.

Он стоял лицом к лицу с этими бойцами армии смерти, окончив работу, которой они не успели помешать, сохранив маленького человека, который будет жить в мире, светлом и радостном, завоеванном героями наших дней. Он стоял лицом к лицу с ними, странно спокойный, чувствуя, что сделал свое дело в жизни.

Он успел еще выхватить наган и увидеть, как падает один из тех, что стояли в двери, и умер, зная, что сделал то, что мог в борьбе за жизнь, в борьбе со смертью.

А. ШАРОВ.

Южный фронт.

Виселица, установленная фашистскими мерзавцами в г. Волоколамске.
Фото кинооператора Союзкинохроники Р. Кармен.

ВОСЕМЬ ПОВЕШЕННЫХ

(От специального военного корреспондента «Правды»)

В предутренний час гвардейцы генерала Михаила Катукова с боем ворвались в город Волоколамск. Передний танк вдруг замер на площади. Экипаж молча вышел из машины. На перекладине у телеграфного столба висело восемь человек. Гвардейцы срезали веревки, с болью и гневом, как героев на поле брани, положили они на снег повешенных советских людей.

Пятьдесят дней и пятьдесят ночей висели они в городе, немцы запрещали подходить к ним. Над их изуродованными телами фашистские палачи укрепили надпись: «Так мы поступаем со всеми, кто встает на нашем пути». Виселица должна была угрожать городу, заставить его людей смириться с немецкой кабалой, с насилием, с голодом и муками.. Но восемь повешенных вызывали не страх, а гнев, не смирение, а решимость, не безвольный ужас, а неукротимую ненависть. Город знал, как погибли эти еще совсем молодые люди — шесть мужчин и две девушки. Ни на мгновенье они не поникли головой перед палачами, не унизили себя мольбой о пощаде, не дрогнули в страшные минуты пыток.

Немцы задержали их ночью, когда они пробирались к дому, где надо было получить оружие. Их вел за собой волоколамский столяр, бесстрашный большевик Иван Тихонов. Он должен был указать путь к лесу, где жил партизанский отряд. Иван Тихонов принял к себе студентов агрономического техникума Николая Комлева и Василия Руснна и еще пять человек; нам еще не удалось узнать их фамилий. Одну девушку звали Нина Унывайко, не, полагают, что это дружеская кличка.

Немцы привели их в большой пятиэтажный дом на горе, куда собирали и раненых красноармейцев, и жителей Волоколамска. Этот дом фашисты подожгли, когда покидали город, там в огне погибли сотни советских людей. Но те, которые спаслись и от пламени, и от немецких пуль, теперь восстанавливают в памяти страшные и последние дни Ивана Тихонова и его друзей.

Ночью в Волоколамск пришла дивизия СС. В городе начались грабежи и убийства, все новые люди приводились в этот дом на горе. Их допрашивали в подвале.

Иван Тихонов молчал, когда его спрашивали—где находится партизанский отряд, кто из коммунистов остался в городе? Он не проронил ни слова, когда его палками били по рукам, по лицу, по телу. Офицеры, избивавшие Тихонова, испытывали звериное наслаждение при виде крови. Потом начали выпытывать:

— Кто твои друзья?

Тихонов лежал на сыром полу и молчал. Его окатили холодной водой, снова допрашивали и снова били, но за всю ночь Иван Тихонов произнес лишь две фразы:

— Будьте прокляты вы... Не жить вам на нашей земле.

Он пришел в большую комнату, где его ждали Комлев, Руснн, Нина, которая уже перевязывала раненых красноармейцев. Тихонов рассказал о допросе. И все, находившиеся в комнате, превращенной в тюрьму, подползли к избитому и истерзанному человеку. Он стонал; там у немцев ему казалось позорным вызывать свою боль. Нина не отходила от Тихонова. Он поднялся перед вечером, собрал вокруг себя всех — в комнате было до ста человек — заговорил о победе. Вот она, машет нам своей рукой победная земля, вот она,— сколько бы ее ни жгли, ни топтали немецкие звери, какие бы жестокости ни придумывали, но земля русская всегда будет свободной. «Мы, может быть, умрем,— говорил он,— на наше место встанут новые люди. Но и нас помянут добрым словом». Тихонов готовил всех к пыткам, к допросам, напоминал о стойкости...

Ночью вновь вызвали в подвал, на этот раз всех. Восемь человек стояли перед столом и молчали. Им жгли волосы, скручивали руки, били ногами, палками, а для Нины и ее подруги придумывали самые жестокие и страшные издевательства. Один раз только Нина вскрикнула: «Мама — помогите!» Тихонов горько усмехнулся и подбодрил ее: «Унывайко, не унывай!» Ему пришлось за это поплатиться зубами, потому что толстый офицер сильно ударил его по лицу.

Их вернули в комнату на третьем этаже. Тихонова уложили у окна, он задыхался. Нина вошла шатаясь, полуобнаженная и избитая. Чьи-то руки накинули на нее шинель, кто-то усадил ее, успокоил. Нет, Унывайко не унывала, она сидела с высоко поднятой головой, словно и здесь, среди своих людей, Нина хотела показать, как велики ее силы, как крепка она, несмотря на все испытания. Николай Комлев вспоминал Москву, любимую девушку Наташу.

В полутемной и грязной комнате люди говорили о самых интимных своих чувствах; за один день и одну ночь все породнились, сблизились, всем хотелось излить свою душу, высказать самое сокровенное, наболевшее и волнующее. Василий Руснн вспоминал о своей матери,— как она там живет? Его друг, лежавший рядом, обещал после войны собрать всех сидящих в этой комнате у себя на Волге и устроить победный пир.

Это был высокий парень с лицом, распухшим от побоев, со сломанной рукой. Красноармеец, бежавший из плена во время пожара, хорошо помнит высокого парня — он больше всех шутил, смеялся, начинал грустить, только когда кто-нибудь вспоминал о Волге. «Да, Волга,— говорил он,—это тебе не Лама!» Действительно, как можно сравнить протекающую за Волоколамском речку Ламу с Волгой?

Так жили эти люди всю ночь. Уже начинались рассказы о пройденной жизни, о встречах и мечтах, хоть говорить и приходилось шопотом. Немецкий солдат требовал, чтобы все молчали. Перед утром вывели на улицу Ивана Тихонова, Николая Комлева, Василия Руснна, Нину и их четырех друзей. Связали им руки. Офицер сказал через переводчика:

— Мы вас повесим. Вы можете спастись, если скажете что-нибудь о партизанах или коммунистах...

Офицер с минуту обождал. Все молчали. Переводчик крикнул: «Ну?» Никто не проронил ни слова, а Тихонов поднял голову, словно желая проститься с теми, которые остались наверху, в комнате-тюрьме.

Город еще спал, но был разбужен криком Нины:

— Друзья, мы идем на виселицу, погибаем за нашу родную землю, за свободу...

Ее ударили прикладом, Нина остановилась, и еще громче прозвучал ее прощальный клич в притихшем городе. Люди выходили из домов, улица заполнялась людьми, и все слышали, как молодая советская девушка, идя на смерть, расставаясь со своим народом, гордится верой в победу. Нине заткнули рот, тогда ее торжествующий крик подхватили Иван Тихонов и Николай Комлев. Так дошли они до площади, где стояли палачи-солдаты с веревками.

К площади собирались люди, немцы поставили пулемет, пригрозив открыть стрельбу, если не разойдутся. Иван Тихонов вышел вперед и крикнул: «Да здравствует свободная русская земля, да здравствует Сталин!» Этот возглас повторили все восемь человек, даже Нина прорвалась сквозь тряпку, которой завязали ей рот. Несколькими выстрелами из пистолета офицер ранил Тихонова, Нину и ее подругу. Они застонали, упав на землю.

Над городом поднялся холодный ветер. Уже становилось светло, и солнечные лучи сверкнули на куполах собора. Ивана Тихонова и его друзей заставили ползти к виселице. Они сопротивлялись, тогда их тащили солдаты. Толстый, с оплывшим лицом немец накинул на голову Нине петлю. Она еще успела крикнуть:

— Прощай, родина... мама!..

Солдат дернул веревку, и Нина повисла, закачалась.

Тихонов ударил ногой офицера, прохрипел: «Изверги, будьте прокляты!.. Ведь она еще ребенок!» Его подвели к столбу, накинули петлю. Тихонова вновь спросили, что он знает о партизанах, если скажет, он будет жить. Тихонов повторил фразу, с которой рассталась с жизнью Нина: «Прощай, родина...» Офицер ударил его, а палач потянул веревку. Тихонов повернул еще голову, как бы прощаясь с советскими людьми, стоящими у домов, с родным городом, с землей, с солнцем, с жизнью. Он еще сжался, словно пытаясь что-то сказать. И Иван Тихонов умер.

Потом накинули петли сразу шестерым. Они крикнули в последнюю предсмертную секунду: «Да здравствует родина!» И еще долго звучал в ушах всех жителей Волоколамска этот гордый, полный великого мужества и самопожертвования, клич восьми повешенных советских людей.

Пятьдесят дней и пятьдесят ночей висели они, напоминая миру о величии духа, о неслыханной внутренней стойкости восьми простых сынов и дочерей советского народа. Об их предсмертных минутах с трепетом рассказывали стар и млад, их бессмертная слава плыла над землей, призывая всех, всех, кто любит свободу, свою землю, итти на жестокий бой с врагом.

Мимо восьми повешенных с обнаженной головой проходили советские люди. И мертвые Тихонов и его товарищи продолжали звать к борьбе, наносить удары немцам, побеждать.

Таков удел бессмертных.

Наступит день, последний немецкий солдат будет уничтожен на советской земле, и тогда на площади в Волоколамске воздвигнут памятник восьми повешенным. И из поколения в поколение будет передаваться сказ о людях, которые жили с борьбой и погибли с победой.

Вечная слава им!

О. КУРГАНОВ.

Волоколамск, 26 декабря.